

ПОЛКОВНИК

ЕГО БОЯЛСЯ
ГИТЛЕР.

О НЕМ ПИСАЛ
ХЕМИНГУЭЙ.

ЗА НИМ
ОХОТИЛИСЬ ФИННЫ.

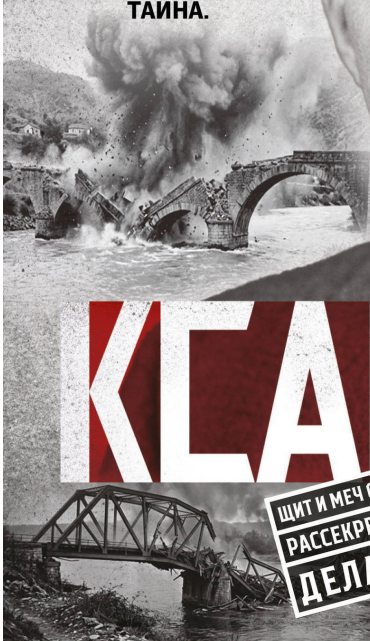
НО ЕГО ИМЯ –
ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ТАЙНА.

КСАНТИ

ШИТ И МЕЧ ОТЧИЗНЫ
РАСЕКРЕЧЕННЫЕ
ДЕЛА ГРУ

ОЛЕГ РОЙ

Олег Юрьевич Рой
Полковник Ксанти.
Легенда разведки
Серия «Щит и меч Отчизны.
Рассекреченные дела ГРУ»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74387591
ISBN 978-5-04-252857-6

Аннотация

Новый роман Олега Роя о легендарном разведчике Хаджи Мамсурове – это не просто историческая книга, а мощный военно-приключенческий бестселлер с высоким читательским потенциалом. В центре сюжета – человек исключительной судьбы: разведчик, диверсант, командир, один из тех, кто в самые тяжелые моменты истории обеспечивал безопасность страны не громкими словами, а реальным делом.

Его настоящее имя было скрыто за оперативным псевдонимом. Его жизнь стала сюжетом для этого романа. Кем же на самом деле был человек, которого называли «полковник Ксанти»?

Испания, 1936 год.

Гражданская война раскалывает страну, Мадрид под огнем, а в тылу франкистов действует человек, о котором начинают шептаться как о призраке. Под именем полковника Ксанти и в должности военного советника республиканцев неизвестный герой создает отряды герильерос – дерзких диверсантов, наносящих удары там, где враг чувствует себя в полной безопасности.

Ночные рейды, взорванные мосты, уничтоженные аэродромы, засады на дорогах... Таинственный спаситель становится для простых людей живой легендой, обросшей самыми невероятными слухами. Испанские фашисты приписывают ему магическую силу и дьявольскую смелость, но за каждой легендой стоит точный расчет, железная воля и готовность бороться до конца.

Февраль 1940 года. Финляндия.

Под метровым снегом – скрытая линия связи противника. Найти ее почти невозможно. Уничтожить – значит, на время ослепить вражеский фронт. На задание уходит группа полковника Хаджи Мамсурова – разведчика, диверсанта, человека, которому поручают то, что другим кажется безумием.

Имя этого человека – Хаджи Мамсуров, советский офицер, диверсант и разведчик, одна из самых ярких и драматичных фигур советской военной истории.

«Полковник Ксанти» – это история человека, которого невозможно было сломать.

Содержание

1910, сентябрь	6
1918, июнь	10
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Олег Рой

Полковник Ксанти

© Рой О., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Здесь не будет предупреждений о том, что все события и персонажи вымышленные, а совпадения с реальностью случайны. Потому что сюжет, перед которым блекнут фантазии самых изощренных сценаристов, – это невероятная жизнь невероятного человека.

Здесь все – взаправду: и люди, и события.

Автор

1910, сентябрь

Жандармов, не считая кучера повозки, прибыло трое. Один – похоже, главный – молодой, очень красивый, с тоненькими, как нарисованными усиками, в седле держался как влитой, хотя конь его, гладкий и тонконогий, не желал стоять на месте, пританцовывал, прядал ушами и всхрапывал, вскидывая точеную голову. Словно не терпелось ему в галоп! Вот бы Хаджи такого! Он бы не хуже этого красавца управился.

Еще двое в седлах – один седоватый, другой, помоложе, рыжевато-пегий – сидели грузно, мешковато, и синие мундиры смотрелись будто пыльными. И кони под ними были похуже. Сильно похуже: мосластый соловый меринок, довольно пожилой, как и его уже седоватый всадник, второй, под пегим, вовсе неопределенной масти и сам такой же мешковатый, как его жандарм.

Спешились подручные, однако, довольно ловко.

Но Хаджи уже не глядел. Проскользнул за углом дома в амбар:

– Дядь Саханджери, там... синие!

От задней стены амбара тянулась узкая, почти невидимая тропка – да что горцу те тропки, родные ж места! Миг – и нет тебя, горы укроют.

Дядя, оглянувшись туда, где одна из досок отодвигалась –

гвоздь вылетел, а починить руки все не доходили, пролезть можно, — замешкался, словно колебался:

— А вы как? Обозлятся, могут и дом спалить...

Дверь гроыхнула, в светлом проеме обрисовалась стройная фигура. Тот, красавец.

— Так-так-так. Кто это у нас тут? А это у нас тот самый бунтовщик... — красавец, усмехаясь, похлопывал стеком по блестящему голенищу. — Вяжите, — распорядился почти лениво, только посторонился чуть, пропуская в амбар подручных.

Те бросились на Саханджери с боков, обхватили, повалили — тот пытался отбиваться, да где там! Скрутили, вытащили, бросили в повозку, на козлах которой дремал унылый кучер. Вжавшегося в угол Хаджи не заметили.

В доме — как в любом горском доме — оружие имелось, конечно. Кинжалы, сабли, два ружья, даже пистолеты. Но то в доме...

Вилы, что стояли в углу, тоже при сноровке могли стать оружием. Вот только Хаджи с ними никак невозможно управиться — росту не хватит. Вот если бы ему было не семь, а хотя бы двенадцать!

Однако в углу прятались не только вилы...

Кинжал Хаджи нашел в горах. Бог весть, как погиб его прежний хозяин. А может, и не погиб, а, укрываясь от обвала или лавины, выронил клинок — и не нашел уже в сомкнувшейся трещине. Горы взяли свою дань. А потом камни, хра-

нившие добычу, сдвинулись, показывая кинжал солнечному свету, вот Хаджи и заметил.

Оглядел все вокруг. Если бы от прежнего владельца кинжала осталось хоть что-то, он похоронил бы останки – как иначе. И клинок тоже похоронил бы вместе с хозяином.

Но ничего не нашел, нечего было хоронить. Только кинжал и прятался между кривыми каменными обломками. Могли Хаджи его не взять? Отчистил старательно, бережно выправил лезвие, завернул в кусок кошмы, припрятал в амбаре, в самом углу. Иногда открывал свое сокровище, любовался, примеривался даже...

Сейчас стиснул потертую рукоять, собираясь с силами... Там, в доме, остались женщины – две сестренки, мать...

На крыльце появилась тетка Амина – не чинно, как пододбает горской женщине, почти бегом, за ней – мать.

– Отпустите! – два голоса слились в один.

Обе женщины, рыдая, кинулись к повозке – но жандармы-подручные не подпустили. Оттолкнули так резко, что Амина упала, пегий саданул пыльным сапогом – она свернулась в комок, крик пресекся... Мать упала возле сестры на колени, пегий и ее ударил...

Хаджи вылетел из амбара, в мгновение ока оказавшись возле повозки, встал твердо, заслоняя мать и тетку. Спинай чувствовал за собой дом, где таились две сестренки. Плачут, наверное...

Старый кинжал – слишком большой для него, от ладони

до плеча, тяжелый – в тонкой мальчишеской руке не дрожал. Хаджи уже занес клинок – рассечь путы, стягивавшие дядины руки и ноги...

Пегий, мерзко осклабившись, выхватил шашку, взмахнул – показалось, что очень медленно...

...в голове словно взорвалось что-то – белая вспышка залила все ослепительным, невыносимым светом...

1918, июнь

– Племянник, говоришь? Лет-то ему сколько?

Зачем Саханджери привел племянника к этому вот? Загар делал мужчину похожим на горца, но выгоревшие чуть не до белизны волосы и непривычно светлые глаза были совсем чужие, нездешние. И кто он такой, чтобы окидывать Хаджи оценивающим взглядом?

Но, покосившись на дядю, юноша только глазами сверкнул, смолчал – не его спросили. Неприлично встревать, когда взрослые разговаривают. Но ведь он теперь тоже – взрослый? У него и папаха есть, только летом в ней жарко, поэтому Хаджи, как полагается, носит войлочную шапку – чужаки думают, в ней тоже жарко, а на самом деле ничего подобного. И от солнца защищает, и от дождя. И воды в нее можно набрать, войлок плотный, не промокнет. Даже спешиваться для этого не обязательно. Хаджи умел, наклонившись из седла, зачерпнуть из самого мелкого ручья. А этот беловолосый, которому кажется, что Хаджи – еще ребенок, он так сумеет? Да что он вообще знает про горы?

Дядя же, потрепав его по плечу, усмехнулся беловолосому:

– Пятнадцать ему... почти, – и добавил без улыбки: – Семь было, когда за мной жандармы пришли, так он им противостоять пытался. С кинжалом чуть не в половину своего

роста. Ну один его шашкой и приголубил. К счастью, плашмя, но несколько суток мальчишка без сознания пролежал. Мать тогда поседела, у нее и так из двенадцати трое выжили. Так что сейчас он уже не мальчишка. Взрослый воин. Стреляет, шашкой работать умеет, кинжалом, любого коня покорит...

Беловолосый зачем-то сунул большие пальцы под ремень и провел ладонями, словно убирая назад складки гимнастерки. И не было там никаких складок, рубаха и без того сидела ладно, привычно. И глаза смотрели, хоть и оценивающе, но не свысока, почти уважительно:

– То понятно, – кивнул, – тут у вас с лошадьями и кинжалами чуть не младенцы управляют. Да и не привел бы ты недостойного. Извини, Сокол, коли что не так, не в обиду я спросил. Что смотрится мальчишкой, оно, может, и хорошо. Места-то здешние тебе ведь знакомы? – теперь он взглянул прямо на Хаджи.

Глаза – странно круглые, очень светлые, как ледок на овечьей поилке ранним предзимним утром – встретились с темными, почти черными. Нет, подумал Хаджи, не свысока смотрит. Тот давнишний красавец-жандарм на сказочных статей жеребце – да, тот чуть ли не шурился свысока – надменно, высокомерно, пренебрежительно. Этот же глядит в упор, как на равного. Без вызова глядит – спросил и ждет ответа.

Какого?

И Хаджи просто кивнул: да, мол, знакомы. Не хвастаться же, недостойно это мужчины.

– Нам бы к Пустому ручью незаметно подобраться... Знаешь, где это?

Вот сразу ясно – чужак этот беловолосый. Пустой ручей ему нужен, видите ли.

– Он длинный, – равнодушно сообщил Хаджи.

Однако беловолосый и не подумал устыдиться. Хотя спросил-то глупость. Вроде как «знаешь ли, где Козье ущелье». А вдоль того ущелья часа полтора идти надо. А вдоль Пустого ручья и того дольше, он теперь и не ручей вовсе, потому и зовется Пустым, не везде и поймешь, где он, этот ручей. Ну и пройдешь не везде.

То есть Хаджи-то пройдет, но он везде пройдет.

Чужак же кивнул едва заметно – словно не выставил только что себя неопытным новичком, а наоборот, сам что-то проверял.

Непонятно.

И дяде Саханджери промах беловолосого промахом вовсе не показался. Смотрел на племянника тоже непонятно, тоже вроде испытывал. И доволен результатом.

Беловолосый же уточнил:

– А Пустой родник? – словно первый вопрос был вовсе не ошибкой чужака.

Когда родник был еще не Пустым, там и ручей был, и овец пасли. Но очередной обвал убил и родник, и ручей, когда

Хаджи еще не родился. Только хижина пастушья и осталась, каменная, но никому не нужная, разве что путнику, которого застигла в горах непогода, пригодится.

Неподалеку от прежнего родника вода пробилась себе путь, но молодой источник был слаб, не чета прежнему. И травы не стало, даже коз не накормишь, не то что овец. И тропы, ведущие туда, исчезли...

Для недобрых людей – подходящее укрытие. Хаджи и сам не знал, почему вдруг подумал про недобрых людей.

– Люди туда пройдут? – в голосе беловолосого послышалось легкое нетерпение. – Двое, трое, пятеро – сколько?

Дорога, и даже вполне удобная, и конному пройти – имела. Не прямо к Пустому роднику подходила, но – близко. Если обогнуть – понизу обогнуть, – есть немаленький кусок гряды, близ вершин которой пряталась та хижина. День потратить придется, а то и два.

Если беловолосому нужно туда людей провести, значит, в хижине действительно укрываются те самые недобрые люди. Не пешие же они. И, значит, точно добираются до места по той дороге, что в объезд. И, значит, по ней ехать нельзя, не потому что долго, а – заметят.

Чтоб сложить все «значит» воедино, понадобился миг. Ну, может, два-три, не больше. Только желторотые несмышлениши торопятся с ответом. А Хаджи – взрослый, цену словам знает.

– Проведу. Десять проведу. Больше – не знаю.

– Восемь бойцов да я с ними.

Теперь юноша только кивнул.

– Проведет, – подтвердил Саханджери. – Он горы наизусть знает, лучше меня.

– Что ж, – беловолосый кивнул. – Звать меня, если дядя тебе не сказал, товарищ Левашов. Когда-то Филином кликали. Когда сам Саханджери Соколом звался.

Даже не оглянувшись, позвал негромко:

– Лебедь! – и вдруг улыбнулся: – Лебедь – это фамилия, такой вот у нас тут птичник образовался.

Он засмеялся, но Хаджи совпадение – Филин, Сокол и Лебедь – смешным не показалось. Может, потому, что не до шуток ему сейчас было. Сперва – стычка с отцом, от которой внутри до сих пор что-то больно саднило и вздрагивало: близки они никогда не были, но он же – отец! И Хаджи у него – единственный сын, остальные – девчонки. А он вот пошел против отцовского слова.

Потом здесь: возьмут – не возьмут? Пусть дядя Саханджери сразу не велел сомневаться, Хаджи чувствовал себя скверно. Хотя виду старался не показывать.

Теперь, наверное, следовало уже и успокоиться – но что, если это еще не все? Если происходящее – еще одна проверка?

Какие уж тут шутки. Лебедь так Лебедь, да хоть бы и Гусь – все равно смеяться не над чем.

Парень, сидевший неподалеку, привалившись к низкой

каменной ограде, после оклика вскочил резво. Невысоким оказался, но крепким. Почти квадратный, из него одного двое таких, как Хаджи, вышли бы. Стрижен коротко-коротко, отчего голова казалась совсем круглой. И глаза круглые. И щеки. Вот кому прозвище Филин подошло бы в точности. А он – Лебедь. Вскочил – и в два прыжка оказался рядом:

– Тут я, товарищ Левашов! – на командира он глядел с нескрываемым почтением, с явной готовностью «бежать и исполнять».

– Вот тебе новобранец, зовут Хаджи Мамсуров, отведи в конюшню, пусть выберет себе лошадь, ну и после все, что положено... – распорядился Левашов. – Да пригляди, чтоб клячу не подсунули, а то Гуриев вечно жадничает, как будто на черный день бережет...

– Такому подсунешь, – хмыкнул Лебедь, оглядывая Хаджи.

Такому... Глядя вслед двум, таким непохожим, фигурам, Левашов погладил скальные обломки, из которых когда-то сложили изгородь. В родных-то его краях все больше частоколы да плетни, а тут и вот такие встречаются. Дом, где когда-то квартировал один из нижних жандармских чинов, а теперь – он, Левашов, – небольшой, словно в землю вросший, хотя тоже каменный, не саманный, а изгородь и вовсе солидная. Впрочем, немудрено: деревья тут не то чтоб вовсе не растут, но не столько, чтоб тратить на заборы. Камень же – вот он, везде.

И люди, как из камня вытесанные.

Саханджери вон сколько били и ломали – а он не сломался, и до революции дожил, и власть советскую теперь защищает, как не каждый профессиональный вояка сумеет. И племянника, похоже, достойного воспитал...

– Может, ты бы его к себе в отряд лучше взял?

Тот, кого когда-то звали Соколом, только головой покачал:

– Сам знаешь, у меня больше стычки прямые, рубка, да и люди у меня все здешние. Почти все. Горы нам не чужие. А тебе проводник нужен. Да и большой уже парень, чего ему под моим крылышком прятаться.

– Тоже верно, – кивнул Левашов. – А парень, видно, хороший. Горячий, а держать себя умеет, как не все тридцатилетние могут...

– Ты специально его про Пустой ручей спросил? – Саханджери чуть прищурился.

– А ты как думал? – ответил Левашов с коротким смешком. – Третьего дня приходил один проводником проситься. Да я, говорит, да везде пройду, да к Пустому ручью – пожалуйста! А твой мало того что действительно знает, но только глазами сверкнул – а ведь наверняка хотелось меня осадить: мол, ты тут чужак и ничего не понимаешь, глупость ляпнул... А он ответил ровно по делу.

– Говорю же – взрослый уже.

– Ну да, – согласился Левашов. – Думает, прежде чем

сказать, надеюсь, что и прежде, чем сделать, тоже подумает. Остальному научиться. Так что не переживай, Сокол.

Левая бровь Саханджери взлетела, словно удивился он словам Левашова:

– Да я-то не переживаю, с чего бы? Вот сам он переживал – как же пешему-то.

– Вроде у вас тут даже у десятилетних пацанов свой конь имеется. Или совсем уж бедная семья?

– Семья небогатая, это верно. Как принялись нас в долины переселять – это еще до моего рождения было, – многие старые рода обеднели. Только и звания, что алдары... Но не настолько Мамсуровы бедны, чтоб парень вовсе безлошадный был. Да только, видишь... с отцом его... сложно. Он такой... хозяйственный. Как можно коня куда-то отдать? И то сказать, семью кормить надо, а все прочее побоку. Так что про коня для Хаджи я и не заикался, только поссорились бы лишний раз.

– Ничего, по лошадям у нас пока недостатка нет, – Левашов улыбнулся. – Сколько-то от жандармов осталось, ну и когда с бандюками схлестываемся, стараемся коней поберечь. Да и сам знаешь, пристрелить-зарубить всадника проще, чем его лошадь. Потом ловим... Как он сына-то отпустил? Отец то есть?

Саханджери только плечами пожал, едва заметно поморщившись: явно не желал обсуждать лишние семейные подробности с посторонним. Хоть и свой Левашов-Филин, а –

не родич, не подобает внутрисемейные дела наружу вытаскивать. И Левашов, конечно, понял:

– Ладно, пойдем глянем, как твой парень осваивается.

Конюшня бывшей жандармерии смотрелась внушительно. Здание жандармерии, к которому она примыкала, казалось скромной пристройкой. С фасада все выглядело иначе, но с тыла конюшня главенствовала.

В темном проеме дверей, привалившись к косяку, стоял невысокий чернявый боец, одетый с бору по сосенке: традиционный бешмет – зеленовато-серый – дополнялся белесыми, но крепкими галифе, заправленными в мягкие и, кажется, новые ичиги. Черкески на чернявом не было вовсе, а бешмет он носил не навыпуск, а заправленным в эти самые галифе.

Хаджи нашелся рядом. Сосредоточенно хмурясь, расчесывал гриву некрупного, но ладного конька. Тот косил глазом, пофыркивал, мышцы ходили под гладкой шкурой, так что та переливалась на солнце от золотого до почти черного.

– Откуда ж такой красавец? – искренне удивился Левашов. – Гуриев, это пополнение добыли, что ли?

Саханджери же только кивнул одобрительно – правильно племянник с конем знакомится.

– Откуда ж пополнение, товарищ Левашов? Наш это, подменный, из дальнего денника, – зачастил чернявый. – Еще весной, когда жандармов последних добивали, прибился. Но был как бы ничей, на подмену брали. Некрупный, не каж-

дому подойдет, а сам злой, не всякий с ним и управится. Я бы и не предлагал, но Лебедь сказал, пусть новый боец сам выберет, а я чего? Разве мне жалко? Он по всем прошел и вот этого вывел, яблоко подсохшее ему скормил и давай чистить, потом вот гриву и хвост чесать... Скребок я выдал, а гребень у него свой.

– Как зовут-то красавца этого? – Левашов кивнул на коня.

– Да никак, – Гуриев пожал плечом. – Он же приبلудный.

– Выбрал, значит? – Левашов подошел к Хаджи поближе.

– Хороший конь, – отозвался тот, продолжая разбирать спутанную гриву. Гребень замер, тонкие смуглые пальцы нырнули вглубь и через пару мгновений извлекли здоровенный, едва не с куриное яйцо, репейник.

– Как назовешь?

– Терек, – после короткой паузы сообщил Хаджи.

– Терек? – Левашов поглядел вправо, где сквозь дымку виднелся Владикавказ. И Терек был виден – гладкая поблескивающая лента, совсем не то что десятком верст выше. – Почему Терек?

– Наша Камбилеевка в Терек впадает, а он... Он хороший, сильный, но не досмотришь – и головы не сносить. И конь этот такой же.

– Да, Гуриев сказал, что жеребчик с характером, хоть и невелик. Но ты, смотрю, с ним уже поладил?

Хаджи только плечами пожал, продолжая разбирать конскую гриву, где в основной темной массе просверкивали по-

что белые пряди – точно как буруны на прорывающемся сквозь ущелья горном потоке. Лермонтов, вспомнил вдруг Левашов, сравнивал Терек с львиной гривой – гимназический преподаватель биологии усмехался: поэтам, дескать, и биология не указ, им что лев, что львица – один черт, главное – сочинить покрасивее. Уже на Кавказе Левашов это вспомнил: бурлящий в Дарьяльском ущелье Терек и впрямь напоминал спутанную ветром гриву. Только не львиную, конечно – та желто-коричневая, – а лошадиную...

– Что ж, красноармеец Мамсуров, и конь хороший, и ты хорошо начинаешь... Теперь ты боец отдельного отряда Терской областной чрезвычайной комиссии при Владикавказском совете народных депутатов, относимся мы к горской сотне одиннадцатой армии. Сотня – это не потому, что у нас всего сто бойцов, просто так называется. Ладно, потом и разберешься, и освоишься, парень ты, похоже, толковый. Вскороости нам и форму единую обещают, а пока так. Лебедь покажет, где что. Устраивайся, а завтра утром пойдем... Готов?

– Готов, товарищ Левашов, – и Хаджи, бросив взгляд на вздымавшиеся вокруг горы, улыбнулся. Скупно улыбнулся, едва заметно, отметил Левашов, Лебедь вон ухмылялся от уха до уха, а этот – совсем чуть-чуть, но – светло так, спокойно.

Отрекшегося от престола Царя Николая II арестовал 2 марта 1917 года генерал Михаил Алексеев – начальник его

штаба. Царицу и семью Николая II арестовал 7 марта генерал Лавр Корнилов – командующий Петроградским военным округом. Славно начинали будущие герои-основатели Белого движения, что провозгласят себя русскими монархистами...

Большевики, пришедшие к власти в октябре 1917-го, предложили семье Романовых выехать из России – к родственникам (все европейские царские дома были более-менее родственниками). Романовы, оценив обстановку (Первая мировая война далеко еще не закончилась), выбрали Великобританию. Вот только его величество Георг V в разрешении въехать в Великобританию отказал. Хотя Николай, пусть уже и не венценосный, приходился британскому монарху двоюродным братом. И, что еще важнее, союзником в Первой мировой войне. Которая будет продолжаться еще год. Романовых расстреляют еще до ее завершения – в июле 1918 года.

Впрочем, Россия к этому моменту уже заключит с Германией сепаратный Брестский мир, формально выйдя из войны. Воевать Россия еще могла, вот только ни противникам ее, ни союзникам это было не нужно. Бог весть, что двигало на тех переговорах российской делегацией, но один из немногих профессиональных военных, русский генерал-майор Владимир Скалон после первого же закрытого ее совещания застрелился.

«Позорный» мирный договор был вскоре аннулирован –

13 ноября 1918 года, на фоне революционных беспорядков в Германии, – однако это мало что изменило.

Германия и Великобритания, продолжая вяло воевать между собой, не замедлили тут же наброситься на молодое, но все еще богатое государство. Впрочем, не только они. На Советскую Россию напали и американцы, и австро-венгры, и турки, и чехи, и финны, и японцы – более десяти стран принялись грабить молодую республику, прикрываясь лицемерными лозунгами о «борьбе с большевизмом». Даже Австралия и Канада поучаствовали.

И пусть сегодня эта война – та, что следовала сразу за Первой мировой, – называется у нас Гражданской. Это справедливо лишь на первый взгляд: русские против русских, белые против красных. Однако белые, формально руководимые русскими офицерами, снабжались – и, судя по всему, руководились – и британцами, и американцами, и прочими, и прочими, и прочими.

Мундир английский,
Погон французский,
Табак японский —
Правитель омский...

Эта популярная частушка тех времен указывала на адмирала Колчака, однако с тем же успехом ее можно было бы адресовать и Врангелю, и Деникину, и Корнилову, и Юденичу. Британцы, американцы, французы, немцы, японцы – все

они активно только снабжали «русских монархистов» оружием, и не только оружием – в «гражданской» войне активно участвовали и регулярные военные части. И английские, и французские, и немецкие... Их численность даже по самым скромным (их собственным) оценкам выглядит весьма внушительно.

Британцев – около двадцати восьми тысяч.

Американцев – около пятнадцати тысяч.

Две японские дивизии на Дальнем Востоке – около двадцати восьми тысяч.

А еще французские, итальянские, румынские, турецкие, польские войска. Даже австралийские и канадские.

И кинотрилогия о «неуловимых мстителях», и предшествовавшие ей «Красные дьяволята», и гениальный фильм Полоки «Интервенция», почти двадцать лет пролежавший на полке, и «Белое солнце пустыни», все они – вовсе не художественный вымысел. Так оно и было. На юге и на севере, на Дальнем Востоке и в Крыму, в Сибири и в Поволжье, в Средней Азии и в Заполярье.

На Кавказе «с большевиками» воевал барон Врангель...

Утро, согласно распоряжению Левашова, началось, когда ночная чернота едва-едва посветлела. Впрочем, лошади, привычные к ночным вылазкам, шли ровно, не спотыкаясь. Пока двигались через селение и дальше, туда, где дорога, наткнувшись на резкий подъем, сворачивала – темнота смени-

лась рассветными сумерками.

Спешились, оставив Гуриева присматривать за лошадьми.

Здесь еще видна была бывшая тропа, по которой когда-то и верхом можно было проехать. Теперь же чуть углубиться – и начинался хаос: кое-где ровные, хоть и крутые, участки, но больше – нагромождения камней, заросли дрока, барбариса и прочих колючек. Где-то карабкаться приходилось, где-то балансировать на неустойчивых каменных завалах, где-то и прыгать. И тут рассвет был весьма кстати.

Сам-то Хаджи и ночью прошел бы, но горцев в маленьком отряде было всего двое, оба ингуши, один из соседнего с Ольгинским села, другой незнакомый. Остальные же, начиная с Левашова, – явно равнинные жители. Может, из той, еще дореволюционной армии дезертировали, может, еще откуда... Сейчас было важно одно: кто за советы, кто – против. Кто защищает бедных, кто – грабит. Кто – свой, кто – чужой.

Возле Пустого родника, спрятавшегося в крошечной чашеобразной котловине, устроилась одна из лютовавших в округе банд. Не столько с новой властью боролись, сколько пользовались общим хаосом. Грабили – и убивали, да одиноких путников, не гнушаясь совсем невеликой добычи. Богатых-то среди местных было раз-два и обчелся, да они в одиночку и не ходят. Но и их грабили – налетая уже на селения. Ольгинское пока обходили, но надолго ли?

Хаджи это было непонятно. А ведь он даже отца понимал, понимал, почему тот так равнодушен и к революции, и ко

всему прочему, что за пределами собственного небогатого хозяйства. Действительно, кто, кроме него, защитит и накормит женщин, а царь там наверху или Советы – да какая разница, не до них. Но банды-то? Ну да, большинство от бедности в грабители подались, но ведь именно в грабители! Разве нормальный мужчина пойдет отнять коня у соседа, потому что собственного волки задрали?

Или Хаджи чего-то не знает? Может, и не в бедности все дело?

Мысли не мешали ему идти, он и правда здесь и глухой ночью прошел бы.

Сейчас только останавливался время от времени, оглядывался, предупреждая о самых сложных участках. Но бойцы шли аккуратно. Карабкаясь, цеплялись за те же камни, что и он сам, понадежнее, чтобы не пошатнулась опора, сталкивая тело вниз. Серьезных провалов тут не было, но и соскользнуть на пару-тройку метров радости мало. Каменная осыпь и вовсе может утащить за собой, если неосторожен. Но шли и вправду хорошо. И прыгали с камня на камень уверенно. Зря он, наверное, про равнинных-то жителей подумал, все же не первый день эти люди в здешних местах, по горам не в первый раз идут. А он о том и не подумал. Нехорошо. У самого-то выданная из отрядного арсенала винтовка болтается, бьет по спине, как ни прилаживай. А у Лебеда того же – как приклеенная. И у беловолосого с чудной фамилией Линц – тоже. Может, они и стреляют лучше, он-то к обреза при-

вык. Но он выучится. В этом ничего сложного нет: смотри, запоминай, повторяй. Не стыдись спросить у тех, кто умеет. Десять раз, двадцать повторишь – так и научишься.

Следы он когда-то тоже читать не умел. Выучился. И не только на земле – и в зарослях, и в воздухе. Сейчас вот почувял в рассветном холодке дымный привкус...

– Далеко еще? – Левашов оказался совсем рядом. Тоже хорошо ходил – хоть и не горец.

– Мы рядом, – так же тихо ответил Хаджи, махнув остальным, что пора остановиться.

Остановиться – и, собравшись, окружить бандитское логово. Половине маленького отряда надо подняться выше, где скалистый склон густо зарос колючим барбарисом и плетями ежевики... Но пробраться можно: и логово оттуда как на ладони будет. Остальные...

К дымному запаху добавился еще один – кисловатый, напоминающий пропотевшее седло, но не совсем...

Гимнастерка у вывалившегося на прогалину мужика зияла распахнутым воротом и болталась поверх штанов, и рука лезла под нее, собираясь эти самые штаны расстегнуть... Видать, по нужде выбежал. Совсем чужак. Разве можно в горах вот так вот гадить где попало?

Сам Хаджи стоял в густой тени, а вот белая голова не успевшего спрятаться Линца сияла что твой фонарь.

– Комиссары! – заорал расхристанный чужак, но штаны спустить не успел.

И отшатнулся, и скрылся мгновенно за торчащей среди зарослей скалой...

– Вперед! – негромко скомандовал Левашов.

Хотели-то подобраться незамеченными и перестрелять всех, пока бандиты опомниться не успели. Но у тех даже часовые были выставлены, не все, как этот расхристанный, спали...

Хаджи даже винтовку с плеча сорвать не успел.

И первая его схватка получилась совсем короткая. Или, может, длинная – он просто не запомнил. Вот ухмыляется, поднимая обрез, бандит – и вот он уже лежит с кинжалом в горле.

Оглянулся, не нужна ли кому из отряда помощь...

Но закончилось все на удивление быстро. Все-таки не ждали бандиты нападения...

И теперь были мертвы. Кажется, все. Как и тот, чей обрез почти ткнулся в грудь самого Хаджи...

– Первый твой? – от Левашова пахло стрельбой и кровью. С левого виска вниз спускалась царапина – длинная, но не опасная. – Людей, говорю, раньше убивать не приходилось? Хаджи помотал головой.

– Ничего, – усмехнулся Хаджи. – Отлично справился. И... Ну чтоб ты потом не думал лишнего. Они... Они на прошлой неделе два селения вырезали. От младенцев до стариков. поголовно. Как бешеные волки. Встречался с бешеными волками?

Хаджи опять кивнул. Года три назад загоняли одного. Бешеные-то волки стаей ведь не ходят. Но и одного поди загони, умные они. Или нет, не умные – хитрые. Изворотливые. И при том – безумные. Будто кровь их с ума сводит. Простые волки таскают овец, чтоб насытиться. Или самку щенную накормить. А бешеные – просто режут всех подряд. И не только овец...

И все же в валяющихся вокруг старой хижины телах было что-то неправильное.

– Так и оставим их тут?

– Они-то всех, кого убили, бросают... да и своих, бывает... – Щека Левашова дернулась, словно у него внезапно заболел зуб. – Но ты прав. Они ведь, как ни крути, такие же люди, как и мы. По крайней мере родились-то точно людьми...

Такие же? Хаджи напряженно вглядывался в мертвые тела. Пытался увидеть те отличия, что гнали нынешних мертвецов как то безумие, что гонит бешеного волка. Искал – и не находил...

Одеждой мертвые от маленького отряда и вовсе не отличались: кто-то в защитных галифе и гимнастерке с темными следами от погон, кого-то не отличить было от самого Хаджи. Но таких – местных по одежде – было всего трое.

– Они не наши... Пришлые... – выговорил он наконец.

– Пришлые не пришлые, но... Не буду говорить, про более-менее регулярные белые войска, Деникин, Врангель, Шкуро... Красная армия с ними бьется, вот Оренбург недав-

но освободили. Но и у нас тут – такая же война. Вот представь: разгромили мы белую дивизию. Но это ж не значит, что всех убили. Кто-то бежал, а кто-то сбивается в стаи и продолжает воевать. Потому что советскую власть ненавидят люто, хотят старые порядки вернуть. А кому-то вовсе наплевать, какая там власть, просто пограбить хочет, кусок пожирнее захватить. Советская власть молодая, порядок пока еще не навела, вот и бесчинствуют...

– Саханджери мне говорил, я потому и...

– Ну тогда чего я тебе объясняю. В Средней Азии вон басмачи орудуют, у нас тут бичераховцы и прочие белоказаки. Жандармы опять же бывшие... Хотя тоже, знаешь, по-всякому бывает. Вон в Екатеринодаре один жандармский полковник в первые же дни явился в реввоенсовет – давайте, говорит, работать. Бандитам-то, пока власть меняется, самое раздолье. Обычным бандитам то есть – которым лишь бы наградить вдоволь.

– И ему поверили?

– Илье Семенычу-то? Сперва не поверили, но... В общем, работает. Потому что на жандармах грехов изрядно, но ведь и вовсе без них невозможно. И теперь у нас народная милиция. Кто-то же должен грабителей ловить и убийц. И этих вот бандитов...

– Этот совсем странный...

Странность была не только в одежде – песочная не то куртка, не то рубаха и такие же штаны, – но и лицо как-то

неуловимо отличалось.

— На британца похож, — Левашов, кажется, и не удивился. — Форма как раз их... ага, и бумаги при нем очень любопытные... — Он вытащил из-под тела планшет, в котором обнаружилась потрепанная карта и еще какие-то листки. Один, рукописный, был похож на обычное письмо, только буквы в нем были незнакомые... — Э-эх, жаль, что убили... — вздохнул Левашов.

— Жаль? — удивился Хаджи.

— Конечно. Его бы допросить... Да что уж теперь.

— Откуда в наших горах британец...

— Оттуда же, откуда и все прочие. Очень, видишь, многим молодая Советская республика как кость в горле. Вот и лезут. Белогвардейцам помогают, и не только регулярным частям, но и таким вот... отрядам. Видишь, у того и того винтовки английские. Больше десятка государств своих шлют. Помощнички! — Левашов сплюнул. — Бриташки, румыны, даже американцы. Те, правда, вроде на Дальнем Востоке оруду-ют. Большинство как регулярные части, но по-всякому бывает, этот вот откуда-то взялся. Должно быть, обучал, как вернее с комиссарами бороться. Не нравимся мы им, понимаешь? А главное — чем больше бандитов, тем больше беспорядка, а чем больше беспорядка в стране, тем проще у нее кусок отгрызть...

— Так банды, получается, не сами по себе...

— Кто-то сами, кто-то не сами... Эх, учиться тебе надо,

парень, в корень зришь. Но сперва надо сволочь всякую ликвидировать. Наш отряд затем и нужен, чтобы от банд этих и духу не осталось. Но оставлять убитых вот так вот валяться... действительно... нехорошо...

– Нехорошо... – эхом отозвался юноша.

– Ладно, сейчас что-нибудь придумаем...

– У них штаны вытерты, и у этого, и у других, – Хаджи показал на бриджи «британца», вытертые на внутренней стороне бедер до кожного блеска.

– Вижу, – Левашов нахмурился. – Верхом много ездил... Да все они... Как думаешь, где они лошадей своих держали? В селении каком-нибудь или поближе?

– Ближайшее селение с той стороны Михайловское... – начал Хаджи.

– Михайловское? – командир вдруг засмеялся. – Может, там и Арина Родионовна имеется? – и, бросив быстрый взгляд на Хаджи, пояснил. – Няню Пушкина так звали, а в Михайловском было его имение, где как раз она и жила. Про Пушкина-то слышал?

– Конечно... – не глядя на Левашова, он медленно проговорил: – «Кавказ подо мною. Один в вышине, стою над снегами у края стремнины. Орел, с отдаленной поднявшись вершины, парит неподвижно со мной наравне...» – и едва заметно дернул плечом, все же реплика командира его задела. – Я в школу ходил, ты думал, мы тут дикие...

– Извини, – Левашов помотал головой, словно прогоняя

неуместную смешливость. – И не думаю я такого, и смеялся не над тобой. Это рефлекс, понимаешь: раз Михайловское – значит, Пушкин и Арина Родионовна. Сто лет как из гимназии сбежал, а в голове сидит. Глупость, конечно. Михайловских по России – ого-го сколько. Хотя вот тут, у вас... Твое – Ольгинское, там – Михайловское, диковинно как-то.

Ничего диковинного в том Хаджи не видел, но пояснил:

– Ольгинское – в честь великой княгини Ольги, она тут и церкви строила, и русские школы... А Михаил, по-моему, муж ее, в честь него тоже переименовывали, это у дяди Саханджери спросить надо или...

– Ладно, это неважно, – прервал его Левашов. – До этого селения далеко? Они туда пешком спускались?

– Да нет. То есть вряд ли туда. Тут совсем рядом, если в ту сторону, – Хаджи мотнул головой, указывая направление, – еще хижина старого Кермена, брошенная, сыновья его в Тулатово спустились давно, он один оставался, потом умер, сейчас, наверное, там никого. К Михайловскому оттуда хорошая тропа, отара пройдет, не то что всадники.

– Может, сходишь с... – Левашов огляделся. – Вон с Айдаром и... да еще Егора возьми, он, хоть и из Екатеринодара, по горам неплохо скачет. Справишься?

– Не знаю, – честно ответил Хаджи. – Может, там еще десяток... таких же. Но... – он прикрыл глаза, не то прислушиваясь, не то приносясь к чему-то. – Нет, вряд ли.

– Ну-ка, ну-ка, почему так думаешь?

– Мы тут уже почти час, а до той хижины не то чтобы рукой подать, но... услышали бы нас. Или учуяли.

– Ну это ты такой чутый, а они, может...

Хаджи покачал головой:

– Даже если не из здешних мест, горы они знают. И тут в самом деле недалеко, они же, спешившись, не по полчаса сюда карабкались. И я бы учуял или услышал... Наверное. И... Здесь их было...

– Тринадцать, – подсказал Лебедь, глядевший на новичка уже почти с уважением. Молодой-то молодой, но голова-то варит.

– А хижина невелика... Вряд ли их тут больше было.

– Думаешь, такая маленькая банда?

– Может, банда маленькая, может, поделились. Хижин в горах немало, есть где лагерь устроить... Но что там, у кошары Кермена, не знаю. Трудно сказать. Хижина там крошечная, может, и нет ее уже, а вот для лошадей места много...

– Решай, боец. Нужно тебе усиление или втроем управитесь?

Это было совсем не так, как недавняя схватка. Тогда тело отреагировало само: нападают – защищайся, увидел, что на соседа навалились, – помоги, ранили – отойди, прижмись куда-то, чтобы до тебя трудней было добраться.

Нет, ему никогда не приходилось... сражаться. То есть – с людьми. Но разве стычка с озверевшими бандитами сильно отличается от схватки с бандой голодных волков? Случалось

и такое.

Но сейчас ему требуется – решить. Решить, исходя из собственных знаний и наблюдений. И от его решения зависит жизнь. И его собственная, и еще двоих – взрослых, сильных... А решать – ему. А ведь ему пятнадцать будет только в сентябре... Но Саханджери вчера сказал: он – взрослый. Не папах, о которой Хаджи, конечно, как всякий горский мальчишка, мечтал, делает мужчину – мужчиной.

Испытующий взгляд Левашова не позволил раздумывать долго:

– Охрану там оставить могли, одного-двоих. Справимся, – ответил уверенно.

Хотя мелькнула мысль: а вдруг именно в тот момент, когда они подойдут к той хижине, туда же подойдут и остальные бандиты?

Но – надо идти.

Невелик его отряд, и сейчас он, Хаджи – командир.

И Айдар, и Егор смотрят на него не как на мальчишку, а как на главного. Уважительно смотрят. И с любопытством – особенно круглолицый веснушчатый Егор.

И следом двинулись, едва Хаджи сделал первый шаг.

Тропы здесь не было, но разве можно не увидеть – то ветка сломленная, то камни потревоженные, еще вчера они лежали иначе, мох содран, а подсохнуть не успел. Хаджи не то что понимал или догадывался – знал, что идут они верно, что бандиты подходили к старой хижине именно с этой стороны.

Вскоре вышли на пологий травянистый склон – словно меж скал великан потоптался...

– Ой, гляди! – Егор, задрав голову, пялился в небо. – Или мне мерещится?

– Орлы, – отозвался вместо Хаджи Айдар. – Двое. У них птенцы недавно вывелись, кормить надо...

За пологим участком, на котором там и сям торчали кривоватые сосны, опять начались скалы. Хаджи вдруг остановился, прислушиваясь...

Путь преградил скальный выступ.

Следуя почти невидимым приметам, Хаджи свернул влево – и снова остановился, даже кивнул:

– Здесь.

К скале – не особенно высокой, но размашистой – примыкала стена, сплетенная из лозняка. И там, за ней, был кто-то живой. Кто-то вздыхал, всхрапывал, сопел...

Лошадей внутри – когда, огибая овечий загон, нашли вход – оказалось почти два десятка.

– Думаешь, там, – Егор мотнул головой назад, – не тринадцать бандитов было? Остальные еще вернутся?

– Места там мало, – возразил Хаджи. – Может, тут лошади с двух лагерей, может, подменные...

– Хаджи... – вдруг тихо-тихо позвал Айдар, оставшийся снаружи.

Там, недалеко от входа в кошару, привалившись к плетеной стене, лежал...

– Кто его? – испуганно выдохнул Егор.

– Спит он. Пьяный, – презрительно бросил Айдар, брезгливо морщась. – Сторож...

Вонял тот и впрямь тошнотворно. И выглядел соответственно: мятая гимнастерка с темными следами оборванных погон была вытащена из галифе – сплошь в жирных, кровавых и бог весть еще каких пятнах, правый сапог почему-то валялся за плечом, левый остался на ноге.

– С убитого, небось, снял, – так же брезгливо заметил Айдар, ткнув в обувь. – Для рядового сапоги слишком хороши, а на офицера, хоть бы и бывшего, не похож...

И уже вытащил кинжал – перерезать врагу горло, – но Хаджи остановил занесенную руку:

– Погоди.

– Ты чего? Думаешь, спящего врага и убить нельзя? Ничего, посмотришься еще, кого можно, кого нельзя.

Но Хаджи продолжал удерживать его руку, повторив:

– Погоди. Убить успеешь. Только мертвый ничего уже не скажет...

– Да чего... – начал было Айдар и осекся. – И правда. Надо его к Левашову отвести, пусть допросит – сколько их, где прячутся... Соображаешь...

В рот «сторожа» безжалостно запихали его собственную портянку. Спросонья бандит только мычал и хрипел. Егор притащил пару уздечек – связать пленному руки. Брошенный сапог Хаджи подобрал и после короткого размышления

натянул прямо на босую ногу бандита.

– Зачем? – удивился Егор.

– По камням босиком трудно идти, спотыкаться будет, а нам бы побыстрее.

Оставалось самое трудное – лошади. Хаджи понимал, что оставлять их здесь нельзя.

– Другие-то небось знают, где лошадки... – прищурился Егор. – Резать надо... Э-эх, чтоб кулак дал лошадку – поле вспахать, на него отработать надо... а тут... И лошадки хорошие... – Он ходил между привязанными в кошаре лошадьми, гладил теплые морды, крутил головой, вспоминая крестьянское житье-бытье. – Э-эх, моим бы хоть парочку забрать... только... летать-то они не умеют...

Хаджи ходил следом и тоже чуть не плакал.

Айдар хмуро стоял снаружи.

– А если отвязать и вывести? – Егор ткнул Хаджи кулаком в плечо – не сильно, просто чтоб внимание привлечь. – Пропадут? Ноги переломают и все равно пропадут?

Хаджи оживился, отошел от загона, осмотрелся. Буквально в полусотне шагов, невидимая от входа в кошару, начиналась широкая тропа – не то что коню пройти, даже повозка проедет...

– Не переломают... Тут до Михайловского всего ничего.

– Бандиты вернутся, – угрюмо возразил Айдар, – увидят, что лошадей увели, и сожгут селение.

Но Хаджи уже горел азартом:

– Не сожгут, мы лучше сами... Выводим... Огниво есть? Огниво нашлось у Егора.

В плетеные стены понатыкали соломы, скрутили несколько жгутов, подожгли, обошли кошару, поджигая со всех сторон.

Лошади, которых вывели к тропе, почуяв сзади треск огня – занялось дружно, – с испуганным ржанием пустились сразу в галоп.

– Подумают, что этот сторож спяну пожар устроил, – усмехнулся Айдар. – И в Михайловском уж догадаются перепрятать лошадей. Резать-то и правда рука не поднималась... Да и кошару спалить – милое дело, теперь тут бандитам не приткнуться... Вставай давай, падаль!

Пинками он поднял пленного на ноги, погнал перед собой. Тот запинаясь, мычал сквозь портянку – но шел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.